

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В АВСТРАЛИИ И РОССИИ

© 2010 г. Иван Сергеевич Скифский¹

Краткая аннотация: в статье представлены результаты сравнительного криминологического исследования насильственной преступности в Австралии и России, выполненного с использованием средств статистического моделирования. В ходе анализа автором установлены определяющие факторы наиболее деструктивного типа отрицательного девиантного поведения с измерением силы их влияния на динамику противоправного насилия, выполнен краткосрочный прогноз уровня криминальной агрессии в указанных странах.

Annotation: the article dedicates to results of comparative criminological investigation of violent crime in Australia and Russia, carried out by means of statistical modeling. In the course of analysis author found out determining factors of the most destructive type of negative deviant behaviour with measuring of influence upon dynamics of illegal violence, made short-range forecast of criminal aggression rate in stated countries.

Ключевые слова: насильственная преступность, криминогенные детерминанты, криминологический прогноз, статистическое моделирование.

Key words: violent crime, criminogenic determinants, criminological forecast, statistical modeling.

Современное международное сообщество переживает кризис социальной безопасности, связанный с интернационализацией различных проявлений общественной патологии – организованной преступности, терроризма, наркотизма, проституции². Неблагоприятная динамика данных феноменов представляется не случайным набором событий, напротив – это вполне закономерные, статистически обоснованные, криминологически значимые явления, подлежащие строгому научному анализу.

Доминирующими общемировыми тенденциями преступности по-прежнему остаются ее абсолютный и относительный рост и отставание социально-правового контроля от указанных негативных качественно-количественных изменений³. Изучение криминального поведения в свете социологического исследования различных форм девиантности⁴ позволило сделать вывод о том,

что на территории России, как и во всем мире, прогнозируется совершенствование и расширение сферы деятельности преступных сообществ, в том числе посредством обеспечения надежной защиты от социального контроля путем влияния на принятие решений властными структурами и правоохранительными органами.

Преступная агрессия – наиболее опасный тип отрицательного девиантного поведения, поскольку формы его реализации характеризуются повышенной, чрезмерной деструктивностью и необратимыми последствиями. По мнению проф. В.В. Лунева, “насильственная преступность является самой проблематичной и в России, и в мире, и между людьми, и между нациями, и между социальными слоями, и даже между современными государствами, считающими себя цивилизованными”⁵. По его расчетам, динамика террористических актов, заказных убийств и других посягательств против политических противников в целом носит неблагоприятный характер, а изменение статистики организованной преступности находится в прямой зависимости от способности правоохранительных органов эффективно противодействовать ее наиболее социально-вредным формам⁶. Согласно прогнозным оценкам проф. Я.И. Гилинского, все увеличиваю-

¹ Доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, кандидат юридических наук (skifsky@mail.ru; E-mail: тел. моб.: 8-912-922-14-49).

² Глобализация и девиантность / Научн. ред. Я.И. Гилинский. СПб., 2006. С. 7.

³ См.: Лунев В.В. Криминальная глобализация // Гос. и право. 2004. № 10. С. 31–37; см. также: Голик Ю.В., Коробев А.И. Преступность – планетарная проблема (К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). СПб., 2006. С. 10–28.

⁴ См.: Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / Научное издание. СПб., 2000. С. 154–155.

⁵ Лунев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 399.

⁶ См.: там же. С. 855.

щаяся поляризация населения по уровню доходов приведет к росту числа имущественных правонарушений, бедность и нищета будут способствовать расширению масштабов криминальной агрессии⁷. В этой связи, в криминологической науке актуализируются сравнительные исследования преступности, позволяющие объяснять и прогнозировать ее динамику, а также управлять данным явлением.

В последние годы в нашей стране издано большое количество работ, посвященных рассмотрению девиантности, ее структурных составляющих в США⁸, Германии, Канаде, Франции⁹, Японии¹⁰, странах СНГ¹¹, других зарубежных государствах¹². Вместе с тем следует отметить,

что при всем многообразии отечественных изысканий преступности за рубежом какие-либо проявления общественной патологии в Австралии до сих пор не являлись объектом самостоятельного криминологического изучения. Имеющийся пробел научного знания, на наш взгляд, объясняется труднодоступностью специальной девиантологической литературы для российского исследователя, а также полным или частичным отсутствием сведений о преступности, необходимых при установлении определяющих криминогенных факторов и прогнозировании отклоняющегося поведения. Для того чтобы восполнить указанный пробел, нами был собран фактический и статистический материал, позволяющий провести сравнительный анализ криминальной агрессии в Австралии и России в целях выявления общих и отличительных характеристик развития этого социального феномена.

Согласно статистическому ежегоднику¹³, издаваемому Австралийским институтом криминологии (Australian Institute of Criminology), к насильственным посягательствам относятся: убийства (*homicide*), нападения с применением насилия или угрозой его применения (*assault*), преступления против половой свободы (*sexual assault*), разбой или грабежи с применением насилия (*robbery*), похищение людей с целью выкупа (*kidnapping*). В ежегоднике Австралийского бюро статистики¹⁴ (Australian Bureau of Statistics) подробная классификация насильственных посягательств не приводится, в связи с чем умышленное причинение тяжкого вреда здоровью не учитывается в юридической статистике в качестве самостоятельного преступления, а вместе с иными уголовно наказуемыми деяниями образует общую категорию – “assault”. Исключение составляет группа “sexual assault”, включающая акты сексуальной агрессии главным образом в форме изнасилований.

Понятие “homicide” включает в себя убийство, совершенное умышленно или с грубой неосторожностью (*murder*), неумышленное причинение смерти лицу, как правило, вследствие небрежности (*manslaughter*), детоубийство (*infanticide*). Указанная категория не охватывает покушение на убийство (*attempted killing*) и наступление

⁷ См.: Гилинский Я.И. Преступность в современной России: ситуация, тенденции, перспективы // Девиантность, преступность, социальный контроль. Избр. статьи. СПб., 2004. С. 215.

⁸ См.: Криминология / Под ред. Дж.Ф. Шели / Пер. с англ. СПб., 2003; Пробст П.С. О терроризме и мире после терактов 9–11 сентября 2001 г. // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. Вып. 2. М., 2003. С. 105–110; Болдуин Ф.Н. Верховенство закона, терроризм и меры противодействия со стороны США, включая Пэтриот акт от 2001 г. // Там же. С. 110–121; Тарасова Н.В. Наркомания. Опыт борьбы в США. М., 2004; Скифский И.С. Тенденции криминальной агрессии в России и США в условиях глобализации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2006. № 1(10). СПб., 2006. С. 82–86.

⁹ См.: Верецагин В.А. Преступность в России и зарубежных странах: сравнительный анализ // Россия и современный мир. 2001. № 3. С. 32–40; Зигмунт О., Энцманн Д. Различия и особенности преступности несовершеннолетних в России и Германии: их значимость для теории аномии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. С. 97–109.

¹⁰ См.: Анисимцев Н. Преступность в современной Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 47–60; Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб., 2003; Скифский И.С. Насильственная преступность в России и Японии: сравнительный анализ // Гос. и право. 2005. № 4. С. 95–98.

¹¹ См.: Махарамов Р.А. Предупреждение преступности в России и в Узбекистане. Учебное пособие. М., 2003; Тугельбаева Б. Криминологическая характеристика преступного насилия в отношении женщин в Кыргызской Республике // Уголовное право. 2004. № 1. С. 123–125; Дьяченко А., Колоскова И. Насильственные преступления против личности в странах Содружества Независимых Государств в 2000–2004 г. // Уголовное право. 2006. № 1. С. 96–101; Денисова Т.А. Влияние превентивной функции наказания на структуру и динамику преступности в Украине // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2006. № 1(10). СПб., 2006. С. 277–288.

¹² См.: Синь Янь, Яблоков Н.П. Борьба с мафией в Китае; Овчинский В.С. Мафия XXI века: сделано в Китае. М., 2006; Нгуен Кхак Хай. Организованная преступность во

Вьетнаме и борьба с ней: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

¹³ См.: Australian Crime: Facts and Figures 2007. Canberra, 2008. P. 8.

¹⁴ В 1993–1995 гг. National Crime Statistics, в 1996–2002 гг. Recorded Crime, в 2003–2006 гг. Recorded Crime – Victims. Кроме того, отдельная криминологически значимая информация содержится в Year Book Australia, издаваемом с 1908 г.

смерти вследствие нарушения правил управления транспортным средством (*driving causing death*)¹⁵. Термин “assault” определяется как применение или угроза применения насилия, причинение телесных повреждений лицу, в том числе покушение на совершение преступления. Согласно УК Австралии под физическим повреждением понимаются бессознательное состояние, боль, обезображивание, инфекционная болезнь и любой физический контакт с человеком, которому данное лицо могло бы разумно ответить в сложившейся ситуации¹⁶. Группу преступлений против половой свободы формируют: изнасилование (*rape*), мужеложство, лесбиянство, зоофилия (*sodomy, buggery*), кровосмешение (*incest*), половые сношения, запрещенные законом (*carnal knowledge, unlawful sexual intercourse*), непристойное нападение (*indecent assault*), нападение с целью изнасилования или противозаконного полового сношения (*assault with intent to rape or commit unnatural offence*), порнография (*pornography*), проституция (*prostitution*)¹⁷. Дефинитивное содержание “robbery” может быть представлено как незаконное изъятие имущества из владения собственника, иного законного владельца, сопряженное с насилием или угрозой его применения¹⁸.

В соответствии с российским уголовным законодательством группу насильственных преступлений составляют деяния, предусмотренные гл. 16 и 18 УК РФ, ст. 126–127², 139, 141–142, 144, 147, 149–151, 161–163, 166, 178–179, 188, 203, 206, 211–213, 221, 226–227, 229–230, 239–240, 244, 278–279, 282, 286, 296, 302, 309, 313, 318, 321–322, 330, 333–335, 353–354, 357 УК РФ, а также иные акты насилия, посягающие на жизнь, здоровье или физическую неприкосновенность граждан. В официальных изданиях Госкомстата России, как правило, приводятся следующие уголовно наказуемые проявления агрессии: убийство и покушение на него, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование и поку-

шение на него, разбой и хулиганство¹⁹. Следует обратить внимание на то, что частые изменения содержания дефиниции хулиганства, неустойчивость следственно-судебной практики, неполнота учета серьезно сказываются на его динамике²⁰. В связи с этим при изучении криминального насилия не представляется целесообразным рассматривать все виды преступлений, объективная сторона которых содержит признак применения насилия (угрозы его применения). Необходимо учитывать удельный вес тех преступных проявлений, которые количественно и качественно определяют содержание группы насильственных посягательств. С учетом соблюдения требований²¹ сопоставимости объектов и оценки существенности их различий при сравнительном исследовании социальной патологии приходим к выводу, что категорию насильственных преступлений составляют: убийство и его виды, включая покушение на убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (насильственное нападение), изнасилование (сексуальная агрессия) и разбойное нападение²².

Определение структурных компонентов криминального насилия позволяет установить при-
сущие ему тенденции методом наименьших квадратов.

Насильственную преступность в Австралии (1980–2006 гг.) можно аппроксимировать простым линейным уравнением: $y = 7,5318t + 15,684$ при коэффициенте аппроксимации $R^2 = 0,9856$, где y – насильственная преступность (в единицах), t – время (в годах). Из представленного уравнения следует, что за период с 1980 по 2006 г. криминальная агрессия в Австралии возрастала в среднем на 7532 преступления ежегодно. Данная группа общественно опасных посягательств в России также хорошо описывается линейным уравнением: $y = 4,2407t + 48,341$ при коэффициенте аппроксимации $R^2 = 0,7675$, где y – насильственная преступность (в единицах), t – время (в годах). Из полученного уравнения следует, что за

¹⁵ См.: Mouzos J. Homicide in Australia. 2003–2004 National Homicide Monitoring Program (NHMP) Annual Report // Research and Public Policy Series, no. 66. Canberra, 2005. P. 4.

¹⁶ См.: Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / Научн. ред. И.Д. Козочкин, Е.Н. Трикоз / Пер. с англ. СПб., 2002. С. 347.

¹⁷ См.: Cook B., David F., Grant A. Sexual Violence in Australia // Research and Public Policy Series, no. 36. Canberra, 2001. P. 5.

¹⁸ См.: Mouzos J., Borzycki M. An Exploratory Analysis of Armed Robbery in Australia // Technical and Background Paper Series, no. 7. Canberra, 2003. P. 13.

¹⁹ См., например: Преступность и правопорядок в России. Статистический аспект. 2003. Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 21.

²⁰ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 431.

²¹ См.: Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2001. С. 368–369.

²² См.: Violence in Australia: Monograph / National Committee on Violence. Canberra, 1989. P. 7–8; Russell G. Smith. Criminal Exploitation of New Technologies (No. 93) // Trends & Issues in Crime and Criminal Justice. Canberra, July 1998. P. 1.

период с 1980 по 2006 г. преступная агрессия в России возрастала в среднем на 4241 преступление ежегодно.

Качественные исследования причин и условий девиантности в Австралии свидетельствуют о том, что на агрессивное преступное поведение индивида или группы значительным образом влияют потребление психоактивных веществ²³, маргинализация населения, низкий уровень образования и культуры, бедность и неравенство²⁴. Научные изыскания российских ученых также подтверждают криминогенность указанных социальных феноменов²⁵ наряду с безработицей, международной миграцией, традиционной агрессивностью, отсутствием государственного патронажа и др.²⁶ К сожалению, в криминологии при рассмотрении криминогенных детерминант предпочтение до сих пор отдается традиционному подходу, предполагающему лишь описание того или иного негативного явления. По нашему мнению, такая методологическая основа представляется некорректной, поскольку, во-первых, не позволяет установить реальный “вес” каждого конкретного фактора в причинном комплексе девиантности и,

во-вторых, не учитывает изменений пространственно-временных координат²⁷.

При изучении определяющих факторов криминального насилия в Австралии и России мы опирались на модель преступности, предложенную проф. С.Г. Ольковым: $y = f(x_1, x_2, x_3 \dots x_n, t)$, где y – соответствующий уровень социальной патологии; $x_1, x_2, x_3 \dots x_n$ – независимые переменные, объясняющие преступность; t – конкретный временной интервал²⁸. В рамках данного исследования в качестве управляемых переменных рассматриваются: общая динамика насильственной преступности (y_1), динамика убийств (y_2), динамика умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в России и динамика насильственных нападениях в Австралии (y_3), динамика изнасилований в России и динамика сексуальной агрессии в Австралии (y_4), динамика разбоев (y_5). Группу независимых переменных составляют следующие социальные (в широком значении) факторы: неравенство в распределении доходов населения, выражаемое коэффициентом Джини (x_1), численность народонаселения (x_2), численность беженцев (x_3), безработица (x_4), численность осужденных (x_5), потребление алкоголя (x_6) и наркотических средств (x_7).

Источниками базовых показателей, используемых при измерении тесноты зависимостей, являются официальная информация Государственных комитетов РСФСР и РФ по статистике, Министерства внутренних дел РФ, Международного управления труда (International Labour Office), Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (United Nations Office of the High Commissioner for Refugees), Австралийского бюро статистики, данные Австралийского института здоровья и благосостояния (Australian Institute of Health and Welfare). Кроме того, первичная статистика получена из обзоров тенденций в области преступности и функционирования систем уголовного правосудия за период 1980–2000 гг., проводимых Организацией Объединенных Наций (United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems, covering the period 1980–2000), интернет-энциклопедии Wikipedia, статистических ежегодников Human Development Report 2006, Statistics on Drug Use in Australia 2006, OECD Health Data 2007, баз данных

²³ См.: Mason G., Wilson P.R. Alcohol and Crime (No. 18) // Trends & Issues in Crime and Criminal Justice. Canberra, Apr. 1989; Teece M., Williams P. Alcohol-Related Assault: Time and Place Crime (No. 169) // Trends & Issues in Crime and Criminal Justice. Canberra, Oct. 2000; Makkai T., Payne J. Key Findings from the Drug Use Careers of Offenders (DUCO) Study // Trends & Issues in Crime and Criminal Justice. Canberra, Nov. 2003. P. 5–7; Mouzos J., Hind N., Smith L., Adams K. Drug Use Monitoring in Australia: 2006 Annual Report on Drug Use Among Police Detainees // Research and Public Policy Series, no. 75. Canberra, 2007. P. 23–30.

²⁴ См.: Violence: Directions for Australia / National Committee on Violence. Canberra, 1990. P. 60–63; Weatherburn D. Economic Adversity and Crime (No. 40) // Trends & Issues in Crime and Criminal Justice. Canberra, Aug. 1992.

²⁵ См.: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других “отклонений”. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 314–318; Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России. Криминологический анализ. М., 2006. С. 101–104; Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (Криминологическое исследование) // Гос. и право. 2004. № 8. С. 73–78; Ревин В.П. Влияние экономических реформ на преступность в современной России // Росс. следователь. 2007. № 2. С. 26–28.

²⁶ См.: Неупокоева И.А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений среди безработных. Дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 155–156; Шоткинов С.А. Преступность в крупных городах Восточной Сибири. СПб., 2004. С. 117; Каньгин В.И., Кузнецов А.П. Миграционные процессы и преступность: криминологический анализ // “Черные дыры” в российском законодательстве. 2004. № 4. С. 196–200; Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М., 2006. С. 123–126.

²⁷ См.: Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007. С. 66.

²⁸ См.: Ольков С.Г. Юридический анализ (Исследовательская юриспруденция). В 2-х т. Т. 2. 2003. С. 100.

World Income Inequality Database (WIID), Global Alcohol Database (WHO).

Моделирование криминологически значимых связей между конкретными формами преступного насилия и указанными социальными феноменами выполнено при помощи методов парного регрессионно-корреляционного анализа, дисперсионного анализа, вычисления коэффициентов эластичности для линейной функции.

Приведем необходимые методологические пояснения: R^2 – коэффициент детерминации, отражающий близость значений линий тренда к фактическим данным (принимает значение от 0 до 1). Чем больше величина этого показателя, тем достовернее линия тренда; R_{yx} – коэффициент парной корреляции, иллюстрирующий тесноту связи двух явлений. Когда между ними устанавливается положительная связь, т.е. $R_{yx} > 0$ – зависимость прямо пропорциональная; F -критерий Фишера – индикатор значимости всего уравнения в целом. Проверка адекватности модели проводится посредством расчета данного показателя и его сопоставления с табличным (критическим) значением. Если при сопоставлении $F_{расч} > F_{табл}$, то уравнение считается значимым. Под эластичностью понимается мера реагирования одной переменной величины (следствия) на изменение другой (причины), т.е. коэффициент эластичности (Э) – это показатель, иллюстрирующий, на сколько % изменяется в среднем результирующий признак y при изменении факторного признака x на 1%.

Результаты исследования определяющих факторов насильственной преступности в Австралии и России выглядят следующим образом:

1. Установлена очень тесная положительная связь между динамикой насильственной преступности и динамикой численности населения в Австралии (1980–2006 гг.): $y_1 = 0,0339x_2 - 477,49$ при $\bar{R}^2 = 0,9925$, $R^2 = 0,9851$, $R_{yx} = 99\%$, $F(1, 25) = 1657,0$. Из полученного уравнения следует, что при изменении численности населения на 1 млн. человек уровень криминальной агрессии в Австралии в среднем увеличивается на 33,9 тыс. преступлений. Эластичность насильственной преступности при $x_2 = 15\,000$ составляет 16,4%, т.е. при изменении численности населения на 1% уровень криминальной агрессии в Австралии изменяется на 16,4%. Выявлены криминологически значимые связи между динамикой данного демографического фактора и динамикой каждой из структурных составляющих рассматриваемой группы посягательств.

2. Установлена очень тесная положительная связь между динамикой насильственной преступности и динамикой численности осужденных²⁹ в Австралии (1980–2006 гг.): $y_1 = 27,647x_5 - 208,58$ при $\bar{R}^2 = 0,9708$, $R^2 = 0,9425$, $R_{yx} = 97\%$, $F(1, 25) = 409,66$. Из представленного уравнения следует, что при изменении численности осужденных на 1 тыс. человек уровень криминальной агрессии в Австралии в среднем увеличивается на 27,6 тыс. преступлений. Эластичность насильственной преступности при $x_5 = 10$ составляет 4,1%, т.е. при изменении численности осужденных на 1% уровень криминальной агрессии в Австралии изменяется на 4,1%. Выявлены криминологически значимые связи между динамикой данного социального фактора и динамикой каждого из структурных компонентов рассматриваемой группы посягательств.

Между динамикой насильственной преступности и динамикой численности осужденных в России (1980–2006 гг.) установлена умеренная положительная связь: $y_1 = 0,0972x_5 + 26,935$ при $\bar{R}^2 = 0,5664$, $R^2 = 0,3208$, $R_{yx} = 57\%$, $F(1, 25) = 11,81$. Из указанного уравнения следует, что при изменении численности осужденных на 100 тыс. человек уровень криминальной агрессии в России в среднем увеличивается на 9,7 тыс. преступлений. Эластичность насильственной преступности при $x_5 = 500$ составляет 0,6%, т.е. при изменении численности осужденных на 1% уровень криминальной агрессии в России изменяется на 0,6%. Выявлена криминологически значимая связь между динамикой данного социального фактора и динамикой убийств.

3. Установлена заметная положительная связь между динамикой насильственной преступности и динамикой заболеваемости населения наркоманией и токсикоманией в России: (1980–2006 гг.): $y_1 = 0,2149x_7 + 80,38$ при $\bar{R}^2 = 0,7425$, $R^2 = 0,5514$, $R_{yx} = 74\%$, $F(1, 25) = 30,72$. Из полученного уравнения следует, что при изменении уровня заболеваемости населения наркоманией и токсикоманией на 100 тыс. человек уровень преступного насилия в России в среднем увеличивается на 21,5 тыс. преступлений. Эластичность насильственной преступности при $x_7 = 200$ составляет 0,3%, т.е. при изменении уровня заболеваемости населения наркоманией и токсикоманией на 1% уровень криминальной агрессии в России изме-

²⁹ Официальную статистику осужденных формируют данные о физических лицах, в отношении которых высшими судами Австралии постановлены вступившие в законную силу судебные решения (adjudicated defendants, convicted by Higher Criminal Courts).

няется на 0,3%. Выявлены криминологически значимые связи между динамикой данного наркологического фактора и динамикой каждой из структурных составляющих рассматриваемой группы посягательств (кроме изнасилований).

Между динамикой разбойных нападений и динамикой численности лиц, употребляющих наркотические средства, в Австралии (1991–2006 гг.)³⁰ также установлена заметная положительная связь: $y_5 = 0,0026x_7 - 3,624$ при $R^2 = 0,8228$, $R^2 = 0,6769$, $R_{yx} = 82\%$, $F(1, 14) = 29,34$. Из представленного уравнения следует, что при изменении численности лиц, употребляющих наркотические средства, на 1 млн. человек уровень разбойных нападений в Австралии в среднем увеличивается на 2,6 тыс. преступлений. Эластичность разбойных нападений при $x_7 = 8000$ составляет 1,2%, т.е. при изменении численности лиц, употребляющих наркотические средства, на 1% уровень разбойных нападений в Австралии изменяется на 1,2%.

4. Установлена тесная положительная связь между динамикой насильственной преступности и динамикой неравенства в распределении доходов населения в России (1980–2006 гг.): $y_1 = 493,49x_1 - 55,763$ при $R^2 = 0,9249$, $R^2 = 0,8555$, $R_{yx} = 92\%$, $F(1, 25) = 148,04$. Из указанного уравнения следует, что при изменении коэффициента Джини на 0,1 уровень криминальной агрессии в России в среднем увеличивается на 49,3 тыс. преступлений. Эластичность насильственной преступности при $x_1 = 0,3$ составляет 1,6%, т.е. при изменении коэффициента Джини на 1% уровень криминальной агрессии в России изменяется на 1,6%. Выявлены криминологически значимые связи между динамикой данного экономического фактора и динамикой каждого из структурных компонентов рассматриваемой группы посягательств (кроме изнасилований).

5. Установлена тесная положительная связь между динамикой изнасилований и динамикой численности вынужденных переселенцев и беженцев в России (1992–2006 гг.)³¹: $y_4 = 0,0204x_3 + 7,8767$ при $R^2 = 0,8774$, $R^2 = 0,7698$, $R_{yx} = 88\%$, $F(1, 13) = 43,47$. Из полученного уравнения следует, что при изменении численности вынужденных переселенцев и беженцев

на 100 тыс. человек уровень изнасилований в России в среднем увеличивается на 2,0 тыс. преступлений. Эластичность изнасилований при $x_3 = 100$ составляет 0,2%, т.е. при изменении численности вынужденных переселенцев и беженцев на 1% уровень изнасилований в России изменяется на 0,2%.

6. Установлена умеренная положительная связь между динамикой насильственной преступности и динамикой потребления алкоголя на душу населения в России (1990–2006 гг.)³²: $y_1 = 5,6633x_6 + 77$ при $R^2 = 0,5709$, $R^2 = 0,3259$, $R_{yx} = 57\%$, $F(1, 15) = 7,25$. Из указанного уравнения следует, что при изменении уровня потребления алкоголя на душу населения на 1 л уровень криминальной агрессии в России в среднем увеличивается на 5,7 тыс. преступлений. Эластичность насильственной преступности при $x_6 = 5$ составляет 0,3%, т.е. при изменении уровня потребления алкоголя на душу населения на 1% уровень криминальной агрессии в России изменяется на 0,3%.

Представленные результаты криминологического моделирования девиантного поведения показали, что в причинном комплексе насильственной преступности в Австралии наиболее значимыми из рассматриваемых социальных феноменов являются изменение численности осужденных и народонаселения. Полученный вывод о влиянии главного демографического фактора на совершение уголовно наказуемых деяний согласуется с научно обоснованными положениями классических³³ и новейших³⁴ исследований общественной патологии. Следует отметить, что динамика рецидива выступает преимущественно используемым индикатором эффективности государственного принуждения³⁵. Качественные и количественные изыскания австралийских криминологов³⁶ по-

³⁰ Статистические данные употребления наркотических средств в Австралии до 1991 г. обычно не сопоставляются с последующими показателями в связи с различной методикой их расчета (см.: 2004 National Drug Strategy Household Survey: Detailed Findings. Canberra, 2005. P. 1–2).

³¹ Официальная регистрация вынужденных переселенцев и беженцев в России началась только с 1 июля 1992 г. после создания Федеральной миграционной службы РФ (см.: Рахманинова М., Варшавская Н. О миграционной ситуации в России // Вопросы статистики. 1998. № 10. С. 79).

³² Развернувшаяся в середине 80-х годов в Советском Союзе антиалкогольная кампания в значительной степени повлияла на устойчивость временного ряда потребления алкоголя. По этой причине в данной работе рассматривается динамический ряд, не включающий периода проведения соответствующих реформ в стране с учетом наступления социально неблагоприятных последствий.

³³ См.: Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / Сост. В.С. Овчинский. М., 2004. С. 43–45, 48–53.

³⁴ См.: Юзиханова Э.Г. Влияние демографических процессов на криминальную обстановку в Тюменской области // Законодательное регулирование миграционных процессов в Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2004. С. 70–79.

³⁵ См.: Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М., 2008. С. 179.

³⁶ См.: Payne J. Recidivism in Australia: Findings and Future Research // Research and Public Policy Series, no. 80. Canberra, 2007. P. XI.

звolyют утверждать, что каждое второе лицо из трех, попадающих в учреждения пенитенциарной системы, имеет судимость за ранее совершенное правонарушение. При этом с течением времени данная пропорция не претерпевает существенных изменений. Результаты многочисленных криминологических исследований в Австралии (Salmelainen P., 1995; Thompson B., 1995; Ross S. & Guarnieri T., 1996; Cain M., 1998; Stevenson R. & Forsythe L., 1998; Doherty J., 2002; Luke G. & Lind B., 2002; Makkai T. & Payne J., 2003; Johnson H., 2004; Baldry E. et al., 2006; Jones C. et al., 2006 и др.) свидетельствуют о высоком уровне рецидива среди отдельных категорий преступников³⁷.

Определяющим фактором насильственной преступности в России является неравенство в распределении доходов населения³⁸. Данное утверждение справедливо и для отдельных структурных составляющих указанной группы посягательств – убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и разбойных нападений. Недостаточная адекватность мер профилактики росту девиантных проявлений в нашей стране также подтверждается наличием прямой зависимости между изменением численности осужденных и совершением насильственных посягательств, в частности убийств, на территории России³⁹. Итоги регрессионно-корреляционного анализа опровергают распространенную в научной литературе гипотезу о повышенно криминогенном характере безработицы – между данным экономико-демографическим фактором и совершением преступлений с применением насилия в Австралии и России криминологически значимых связей не установлено. Вместе с тем, несмотря на зачастую полярные оценки влияния миграционных процессов на динамику социальных девиаций, было доказано, что изменение уровня сексуальной агрессии в России зависит от динамики беженцев и вынужденных переселенцев из других стран. Результаты проведенного исследования, позволившего выявить прямую положительную связь между противоправной агрессией и потреблением психоактивных веществ в России, согласуются

с выводами качественных исследований социальной патологии⁴⁰. Напротив, роль основного алкокоголического показателя в детерминации общественно опасного насилия в Австралии оказалась незначительной.

Таким образом, популярные в отечественной и зарубежной криминологии гипотезы о влиянии социально-экономического неравенства и потребления психоактивных веществ на девиантное поведение не получили предполагаемого подтверждения для Австралии. Данный статистически обоснованный факт связан с тем, что по сравнению с другими развитыми странами в государстве-материке динамика коэффициента Джини (1980–2006 гг.) и потребления алкоголя (1980–2006 гг.) выглядит вполне удовлетворительной наряду с устойчивой тенденцией роста насильственной преступности. При таких обстоятельствах результаты исследования, свидетельствующие о том, что криминальная агрессия в Австралии определяется иными социальными факторами, представляются вполне закономерными.

Вскрытие тенденций, установление детерминант насильственной преступности в Австралии и России позволяют перейти к прогнозированию ее ожидаемого уровня при помощи криминологического моделирования, предполагающего построение соответствующих моделей общественной патологии⁴¹. В настоящей работе прогнозирование выполнено методом Бокса–Дженкинса, схожие модели получены с применением методов скользящего среднего, экспоненциального сглаживания и нейронных сетей (см. рис. 1 и 2).

Как следует из представленных моделей, прогноз противоправной агрессии в Австралии и России до 2012 г. не дает оснований ожидать положительных изменений в наблюдаемой динамике. Отраженное на рис. 1 допустимое сокращение числа насильственных преступлений в России

³⁷ См.: там же. Р. 55–57, 121–139.

³⁸ Впервые данный вывод был статистически обоснован проф. С.Г. Ольковым при изучении социальной патологии в России в 90-е годы XX столетия (см.: *Ольков С.Г.* О пользе и вреде неравенства (Криминологическое исследование) // Гос. и право. 2004. № 8. С. 73–78).

³⁹ Более подробно см.: *Скифский И.С.* Динамика численности осужденных как фактор совершения насильственных преступлений в России // Росс. следовател. 2008. № 7. С. 28–31.

⁴⁰ См., например: *Панов С.Л.* Взаимосвязь подростковой наркомании и преступности // Социально-правовые аспекты противодействия насилию. Материалы научно-практической конференции (23 декабря 1998 г.). Омск, 1999. С. 46–49; *Прохорова М.Л.* Наркотизм: социально-психологические, криминологические, уголовно-правовые аспекты. Дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 32–33; *Кобец П.Н.* Предупреждение преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ на территории России (Причины, тенденции, прогноз) // Росс. криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 174.

⁴¹ См.: *Лунеев В.В.* Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с правонарушениями в войсках. Учебное пособие. М., 1979. С. 30.

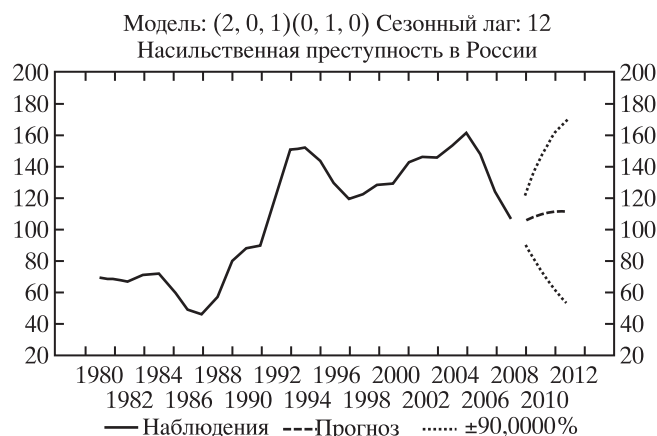

Рис. 1. Прогноз насильственной преступности в России до 2012 г., (тыс. преступлений)

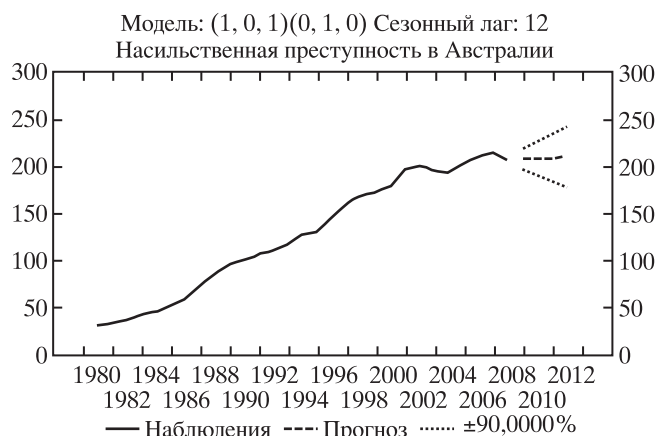

Рис. 2. Прогноз насильственной преступности в Австралии до 2012 г. (тыс. преступлений)

объясняется тем, что в последние несколько лет в стране официально зафиксировано снижение уровня данной группы посягательств. На наш взгляд, указанное обстоятельство не может нивелировать криминологического значения выявленных неблагоприятных тенденций общественно опасного насилия за продолжительный период времени. Более того, если мы обратимся к социально-экономической статистике за 2006–2008 гг., то обнаружим удивительный факт: при сокращении общего уровня насильственной преступности в России зарегистрировано максимальное потребление алкоголя (15,48 л и выше на душу населения) при беспрецедентном неравенстве в распределении доходов (коэффициент Джини равен 0,423), которое является наиболее значимым криминогенным фактором. Данный вывод подтверждается и качественными исследованиями девиантности. По мнению проф. Э.Ф. Побегайло,

цифры одного года, когда “чудесным и непонятным образом” обнаруживается существенное снижение регистрации тяжких насильственных преступлений, не могут поколебать присущих им негативных тенденций⁴².

Проведенный криминологический анализ насильственной преступности в Австралии и России позволил установить и сравнить определяющие факторы наиболее деструктивного типа отрицательного девиантного поведения, ранжировать их по степени влияния на конкретные формы противоправного насилия, а также выполнить прогнозирование уровня криминальной агрессии в указанных странах в краткосрочной перспективе.

⁴² См.: Побегайло Э.Ф. Лекция по теме: “Криминологическая характеристика и предупреждение насильственной преступности” // Росс. криминологический взгляд. 2007. № 3. С. 118–119.